

«ШЛИ ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА...»

ЖИЗНЬ И БЫТ КАЗАКОВ НА СЕВЕРЕ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Анна Ивановна КОВАЛЕНКО,
кандидат исторических наук

С середины XVII в. русские закрепляются на северо-восточных территориях Дальнего Востока. Начало этому длительному процессу положила экспедиция Семена Дежнева, вышедшая в 1648 г. из Колымы. Обогнув Чукотский полуостров, она достигла северных земель Камчатки. Заслуга в покорении Камчатки принадлежит якутскому казачьему приказчику Владимиру Атласову, который в сопровождении 60 казаков и 60 юкагиров в 1696 г. отправился на р. Камчатку. Новые земли на протяжении полувека завоевывались при упорном сопротивлении местного населения — ительменов, коряков, юкагиров, чукчей и других. По пути следования казаки и промысловые люди ставили остроги и острожки, которые одновременно были зимовьями, местами временного обитания и крепостями, защищавшими от вторжения воинственных аборигенов. Анадырский острог, в 1649 г. стал опорным пунктом для продвижения русских на Камчатку. Далее по мере продвижения между Олюторским заливом и Пенжинской губой были возведены Олюторский, Аклакский, Каменский, Усть-Таловский остроги и непосредственно на Камчатке — Нижне-Камчатский, Верхне-Камчатский, Большерецкий, Тигильский, Пенжинский.

Параллельно с освоением северного пути якутские казаки искали более короткую, удобную и безопасную дорогу на Камчатку через море. Базовым пунктом стал Охотск, основанный якутскими казаками как острог в 1647 г. После длительных исканий казак Козьма Соколов в 1716 г. впервые совершил переезд на Камчатку из Охотска морем, после чего из едва заметного населенного пункта последний стал превращаться в портовый город. На севере от Охотска возникли прибрежные остроги — Гижигинский, Удский, Усть-Таурский. Степень освоения северо-восточных районов позволила отделить Камчатку, Анадырск и прибрежные остроги Охотского моря от Якутска и причислить их к Охотску, где с 1731 г. сосредоточилась администрация края¹.

К началу XX в. Охотск представлял из себя небольшую деревню с населением не более 300 душ, главным образом из местных казаков. Казаки жили в бревенчатых домах, построенных на значительном расстоянии друг от друга (2 или 3 небольшие, но широкие улицы). Климат оказался очень суровым: местность продувалась холодными ветрами, часто опускались туманы, растительность почти отсутствовала².

Дальнейшее изучение морского пути на Камчатку, а затем обследование прибрежной территории открыли для русских удобные гавани и позволили В. Берингу в 1740 г. заложить Петропавловский острог, ставший впоследствии базой заселения и освоения Камчатки гражданским населением. Административно-хозяйственное устройство камчатских казаков XVII—XIX вв. подвергалось нескольким реформациям. В 70-е годы XVIII в. упразднили Анадырский острог, Удский острог опять переподчинили Якутску. Казаков Анадырского

острога частично расформировали в ближайшие пункты, а многие из них вскоре осели ниже по течению р. Анадырь, образовав новое казачье поселение, первоначально названное крепостью, впоследствии переименованное в пос. Марково.

С начала XVIII в. шло комплектование камчатских команд. В 1701 г. из Якутска на Камчатку были направлены приказчик, пятидесятник, 4 десятника и 50 казаков; в 1708 г. из прибывших на полуостров 50 чел. были тобольские и енисейские казаки; в 1709 г. там появились приказчик и 67 казаков, набранные в Якутске из промышленных и гулящих людей; в 1710 г. — приказчик, 33 якутских казака из той же категории переселенцев. Указом 1731 г. образовалось самостоятельное Охотское правление с подчинением ему Камчатки. Отсюда в службу было определено 300 служащих людей. Сенатскими указами 1747, 1760, 1761 гг. предписывалось содержать 255 чел. в Охотске, Анадыре и других крепостях этого района. Такое же число дворян, детей боярских и казаков по указам 1762 и 1763 гг. определялось для службы на Камчатке³. Однако комплектовать службу на далекой окраине оказалось чрезвычайно сложно, поэтому почти до конца века в Охотск и на Камчатку казаки посылались по мере требований и наличия средств. Их состав по численности был неравномерным. Например, в 1743 г. на Камчатке служили всего 49 казаков, в мелких острожках по Охотскому побережью — 28. В 1772 г. там находились более 400 казаков, в том числе в Охотске — 101, Гижигинске — 137, Тауйске — 19, Ямске — 37 (вместе с солдатами), в Тигильской крепости — 53, Нижне-Камчатском — 63, в Верхне-Камчатском и Большерецке — 86.

«Положением о преобразовании на Камчатке воинской и гражданской части» от 9 апреля 1812 г. устанавливался постоянный штат. На полуострове должны были служить один сотник, 5 урядников и 50 казаков; в Гижинске — 2 сотника, 3 урядника и 100 казаков, 60 из которых ежегодно в марте сопровождали купеческие караваны на якутскую ярмарку⁴. Реальное число служилых людей в основном приближалось к штатному расписанию

На основании реформы М.М. Сперанского о городских казаках 1822 г. Охотская и Гижигинская команды входили в состав Якутского городского полка и комплектовались из якутского казачества. И только в середине XIX в. с образованием Приморской области весь огромный Охотско-Камчатский край вошел в ее состав. Социально-этническая структура камчатского и охотского казачества формировалась исторически. На службу набирали людей самых разных: по преимуществу это были потомственные казаки, выходцы из Тобольска, Енисейска, Якутска, дополненные ссыльными и гулящими людьми, в большинстве из числа промышленников, в незначительном числе сюда попадали представители местного населения, крещенные в православие.

Покорение Сибири, а тем более дальневосточного севера, осуществлялось исключительно мужчинами. Поэтому неслучайно среди казаков было много одиноких, холостяков. Такая ситуация сохранилась и в XIX в. Так, в 1850 г. из Охотска в Петропавловский порт перевели команду казаков из 24 чел., среди которых имели семьи только пятидесятник Петр Шитаков и 4 казака, остальные в возрасте до 38 лет оказались неженатыми. Из оставшихся в Охотске 22 казаков только 7 жили с семьями⁵.

Не имея возможности привезти жен с материка, многие казаки вступали в браки с женщинами из коренного населения, принявшими православную веру и усвоившими разговорный русский язык. С.П. Крашенинников писал о порядке образования этнически смешанных семей: «Те из казаков, которые при помощи брака желали вступить в свойство со свободными камчадалами, давали письменное обязательство, что по прибытию священника возьмут их дочерей себе в жены. Таким образом, у казака крестины невесты, свадьба, молитва и крестины детей происходили одновременно, ибо на все остроги имеется только один священник, живший в Нижнем остроге и приезжавший в острожек один раз в год или в два года»⁶.

На Камчатке большая часть казаков женилась на ламутках, чукчанках, чуванках, ительменках, и поэтому второе поколение в значительной части

состояло из метисов, у них утрачивался русский этнический тип, но, видоизменяясь, сохранились основы русской культуры. Вот как пишет о потомках русских землепроходцев на Чукотке А.П. Сильницкий, сопровождавший генерал-губернатора Н.В. Гондатти в его поездке на Камчатку и Анадырь: «Марковцы — потомки казаков. Северные казаки, вступая в браки с инородческими женщинами, имели детей с примесью инородческого типа, которые, переходя из рода в род, сделали марковца трудно отличимым от чукчи и других инородцев. Но утратив тип, марковец вполне сохранил язык своих предков, их веру и обычаи...»⁷ В образе жизни казаков северо-восточных окраин России наиболее зримо проявилось взаимовлияние и взаимопроникновение различных культур, в связи с чем современники сделали вывод, что казаки этих районов обьякутились или окамчадались. Ярким свидетельством процесса этнической ассимиляции стал язык, один из главных компонентов любой этнической общности. Исследуя Камчатку, В.П. Маргаритов отмечал инородческое влияние на речь казаков. Они говорят — «ждравствуйте, копилье, сыбко, шопычка (сопка), обчий, клиса (крыша) и т. д.»⁸.

Рассматривая историю северо-восточного казачества через призму колонизации, целесообразно выделить два периода. Первый хронологически ограничен концом XVII — первой половиной XVIII в., когда главными задачами казаков было «провести новые земли» и обьясачить проживавшее там население. Размер ясака был немалый. Например, в 1714 г. казна дворянина Ивана Енисейского, собранная в Анадырской округе, состояла из 141 соболя, 751 красной лисицы, 137 морских бобров, 11 пластов лисих, 2 выдр, 22 зол. золота в кусках и плитках и денег 40 рублей⁹. Естественно, период покорения сопровождался кровавыми событиями, поскольку инородцы оказывали чужакам-казакам ожесточенное сопротивление, порой конфликты затягивались на длительное время. Среди покорителей Камчатки были представители казачьей старшины Владимир Атласов, Лука Морозко, Потап Сердюков, Тимофей Кобенев, Василий Колесов, Петр Чириков, Осип Миронов, Данило Анциферов, Иван Козыревский, Иван Енисейский, Иван Поротов, Афанасий Шестаков и др.

Духовный мир казаков-колонизаторов Северо-Восточной Азии формировался под воздействием суровых жизненных условий: приарктического природно-климатического фактора, тягот походной жизни, а также характера миссии завоевателей. Им были присущи такие черты, как смелость, выносливость и неприхотливость в быту, авантюризм, умение идти на контакт с местным населением и вместе с тем жестокость, буйство, нередко алчность и агрессивность. Так, за свою жестокость по отношению к инородцам и рядовым казакам поплатились жизнью Атласов, Чириков и Миронов. Расправившись с ними казаки писали челобитную царю, что они «... учили жить, забыв страх божий и крестное целование и свое пред Святым Евангелием обещание тебе, Великому Государю, радение службою своею не показали, казну твою воровали... ясачным иноземцам чинили обиды и насилия великие и разорения немалые. Лучших ясачных иноземцев для своих бездельных корыстей кнутьем и батогами били не по вине на смерть... и буйства ради, в разгуле с палашем в руках на нас, рабов твоих, наметывали, многих служилых переранили, а иных на смерть закололи ... и мы, рабы твои в камчадалских острогах, вышеописанных прикащиков убили...». Меры по усмирению бунтовщиков отличались не меньшей жестокостью «...кого повесил за буйство, кому пальцы отрубил, кого на плаху клал и бил кнутом, батогами...»¹⁰ Карательные действия предпринимались и по отношению к коренному населению. Последнее крупное сопротивление чукчей казакам и корякам длилось с 1747 по 1755 г. После усмирения чукчей казаки начали нести внутреннюю службу.

Второй этап в истории казачества Охотска, Камчатки и Анадыря, ознаменованный отправлением службы и организацией хозяйственной деятельности, начался со второй половины XVIII в. и длился до ликвидации казачества.

В процессе реформирования административно-хозяйственного управления Сибири в 1822 г. в числе других вышел Указ «О городовых казаках», на основании которого был создан Якутский городской пеший казачий полк в

составе 5 сотен: две первые в г. Якутске, третья в Гижигинске, четвертая в г. Охотске, пятая объединила команды, расположенные в городах Олекминске, Верхоянске, Вилюйске, Колымском округе, а также в Удском укреплении и при Алданском перевозе. В 1857 г. сотня, откомандированная в Гижигу и Петропавловск, отошла в штат Приморской области. Для казаков камчатской команды устанавливался 20-летний срок службы (в Якутии — 25) без права выхода из сословия. Как и все городские казаки, они в основном выполняли полицейские функции, проживая в городах и отдаленных постах Камчатки. В их обязанности входили: дежурство по городу, сопровождение в разъездах по округе полицейских чинов, врача, духовенства, нарочных и почты, содержание мостов и перевозов, исправление зимних дорог, обставление их вехами, охрана продовольственного склада и порохового погреба, содержавшихся в отдельных помещениях прокаженных; выгрузка и перевозка с пароходов казенных продовольственных товаров¹¹.

За службу назначались денежное довольствие от казны и продовольственный паек. Денежное довольствие складывалось из амуничных, приварочных, квартирных средств и жалованья. Всего пятидесятник получал 44 руб. 50 коп. в год или 3 руб. 70 коп. в месяц, урядник — соответственно 37 руб. 5 коп. и 3 руб. 13 коп., казак — 35 руб. 33 коп. и 2 руб. 94,5 коп. Пайковое довольствие состояло из 20 пуд. 15,5 ф. ржаной муки и 3 пудов крупы. Казакам наделялось по 15 дес. хлебопашенных и сенокосных угодий¹².

Служили камчатские казаки не по уставу. «Камчатский часовой на посту варит себе чай, вяжет сеть или ловит рыбу, спит от нечего делать, ведет праздный образ жизни». Несмотря на то, что для якутского казачества устанавливалась единая форма одежды, в отдаленных районах на службе разрешалось носить одежду, свойственную данному климату. Поэтому, как пишет Сильницкий: «... камчатский часовой стоит на часах в комлейке, в торбосах, никакого оружия при нем нет... На весь петропавловский гарнизон выдана одна шапка, которая во время стоянки судов надевается дежурными по городу. На складе на всех 23 казаков имеются и шашки, и ружья, которые еще в 1854 г. обороняли Петропавловск и которые с тех пор скорее всего не вынимались...»¹³

На рубеже XIX—XX вв. в Петропавловской округе — Петропавловском, Тигиле, Усть-Камчатске и Большерецке — проживали около 600 казаков и членов их семей. Они занимались огородничеством, посреднической торговлей, ловили рыбу, охотились и несли службу. Жили в небольших поселках. Планировка и внешний вид казачьих селений складывались в соответствии с изменением исторических задач, разрешаемых казаками. В первый период казачьей колонизации, когда землепроходцев окружала агрессивная среда, приходилось усмирять бунты чукчей и юкагиров, была необходимость защищаться, остроги представляли из себя крепости, которые хорошо описаны С.П. Крашенинниковым, М.С. Гвоздевым и Г.Ф. Миллером. Во второй половине XVIII в., когда казаки осели на землю и закрепились на местах, их селения стали приобретать вид традиционного русского селения, на застройку которого оказали влияние региональный климат и хозяйственная деятельность людей.

В XIX в. архитектура застройки мало изменилась. Населенные пункты объединяли 10—20 разбросанных вдоль дороги или реки домов, промежутки между ними были большими, застраивались балаганами и амбарами, вешалами для рыбы, поэтому улицы растягивались на большие расстояния. Дома строились рубленые деревянные под топор, нож и тесло. Окна в большинстве закрывались выделанными кишками животных. Крыши покрывались корой и листвой. Обычно размер казачьей избы не превышал 6—9 саж. Внутри помещение разделялось на 2 части капитальной стеной. Меньшая — без печи и потолка играла роль передней и служила складом для домашнего скарба, а большая, с потолком и печью, разделялась дощатой перегородкой на чистую половину и кухню. Под печь изготавливали деревянный остов, который обкладывали сырцом и глиной. Печь замещала перегородку, топкой выходила в кухню, а стенками — в чистую половину. Подворья не были огорожены, изгородь ставилась только вокруг огородов. Позднее коренное население стало строить

жилье в русской традиции. Отличительной чертой строений инородца было большее количество приспособлений для просушки рыбы, чем у казаков¹⁴.

В более тяжелых условиях жили казаки команды, откомандированные для несения службы на дальние посты Ново-Мариинск, Анадырь. Предполагаемое временное пребывание на севере затягивалось на многие годы. Так, 6 камчатских казаков, направленных на Анадырь в 1890 г., на протяжении 6 лет жили без замены, в то время как их семьи оставались в Петропавловске. В Ново-Мариинском посту, несмотря на суровые климатические условия, казаки жили в засыпанной неутепленной казарме, без фундамента и двойных рам, пол был положен прямо на землю, а крышу заменяли сколоченные и покрытые толью доски. В зимнее время этот сарай-казарму продувал ветер, стены покрывались льдом и инеем. Несмотря на то, что помещение отапливалось двумя чугунными и русской печами, казаки не снимали оленьих кухлянок, меховых сапог и шапок.

Основными занятиями казаков небольших команд были сбор дров (леса в этих местах было немного), пушной и в основном рыбный промысел с заготовкой соленой рыбы и юколы. Казаки продавали чукчам хлеб и чай в обмен на оленье мясо и пушнину. Оторванные от материковой России, по-существу, изолированные от влияния русской культуры, анадырские и камчатские казаки оказались предоставленными сами себе. Их существование в далекой окраине было направлено на выживание.

На промысловые урочища казаки северных острогов и крепостей выезжали большими артелями. Например, в 1759 г. на урочище Родионова Анадырской крепости в охоте принимала участие артель в 14 чел., добывшая за сезон несколько сот оленей. Летом 1776 г. гарнизон Гижигинской крепости заготовил 4980 штук красной рыбы, 1 тыс. штук мальмы, 3 тыс. штук юколы. Удачная охота обеспечивала пропитание на целый год, в случае неудачи — голодали¹⁵.

Суровые условия жизни формировали особый тип людей. По оценкам современников, казаки севера-востока России «... природные охотники и промышленники... представляют незаменимый элемент: их выносливость, сметливость, отвага и умение найтись в трудных обстоятельствах выше всякой похвалы»¹⁶. Камчатским казакам были присущи неприязнительность и скромность в быту, взаимная поддержка и выручка, честность в отношениях, готовность служить начальнику.

Вместе с тем однообразие и размеренность жизни сформировали такие черты, как безынициативность, лень, привычку жить одним днем. Бесконтрольность службы приводила к ее низкой организации и отсутствию дисциплины. Религиозность камчатских казаков определялась скорее силой православной традиции русского человека, обязательностью отправления религиозных культов, чем убежденностью в вере. Практически в каждом селении казаки построили часовни, ставшие вскоре неухоженными, заброшенными, что свидетельствовало о равнодушном отношении их создателей к церковной службе. Как отмечает В.К. Маргаритов, на Камчатке было всего 10 церквей, большинство же треб справлялось во время приезда приходских священников в населенные пункты.

Исследуя культуру казачества северо-востока страны, нельзя не обратить внимание на феноменальный факт, когда несколько сот русских людей на огромных пространствах оказались среди значительно превосходящего их по численности и чуждого по культуре населения. Процесс адаптации казаков к условиям Крайнего Севера прежде всего выразился в их способности достаточно быстро перенимать отдельные приемы хозяйствования и элементы быта у коренного населения. Гижигинские казаки по примеру коряков начали промыслять морскую птицу и нерпу. Охота для сибиряков была традиционным занятием. Обыкновенно сибирские казаки охотились, выезжая группами на зимние базы, строили там рубленые помещения — зимовья. На севере под зимовье часто использовали юрту. Приемы изготовления снастей, сетей, лодок, заготовки рыбы русские казаки также переняли у аборигенов. Одежда, особенно зимняя, была заимствована у туземцев.

Капитан Шмалев писал о гарнизоне Анадырского острога середины XVIII в.: «По здешнему обращению как солдаты, так и казаки покупают у анадырских обывателей и у ясашных инородцев зимнее платье, без чего ни по которой мере пробыть невозможно, а именно: из оленьих кож — портки вместо шуб в 2 рубля, кухлянки вместо епанчи в 3 рубля, штаны в 1 рубль, санки с убором с ляжки с потяги и с уздами в 1 руб. 50 коп., ложки по 1 рублю, обувь 2 пары, в том числе одна щеточная, в которых ходят на лыжах, ценою 1 рубль, чибики с рукавицами в 1 руб. 50 коп., да к тому же летнего платья двое, штаны ровдужные в 1 руб. 60 коп., рубашки ровдужные да камлеи в 3 рубля, обувь шесть пар каждая ценою по 25 копеек».

Для дальних поездок и промыслов казаки приобретали у юкагиров и коряков длинные меховые шубы и шапки в виде колпаков на меховом подкладе. На Камчатке в середине XVIII в. казаки носили парки, кухлянки, комлеи, торбоза, заимствованные у камчадалов¹⁷. К концу XIX в., по воспоминаниям В.П. Маргаритова и А.П. Сильницкого, эти предметы одежды народов севера у казаков сохранились, чаще стали использовать привозные русские и иностранные товары. Контакты с моряками иностранных судов проявились во всех формах культуры казаков: в поведении, убранстве жилья, одежде, но вместе с тем не оказали решающего влияния на культуру.

Степень же взаимопроникновения русских и инородческих элементов дает основание говорить о синтезе культур. «Русские дали туземцам религию, язык, жилища, сами утратили земледельческие виды деятельности, забыли, как делать сохи, бороны, горшки, ковать железо. Научились звериным промыслам, заменив хлеб и пеньку на рыбу и крапиву. Окамчадалились, не служат хранителями родовых обычаев, чистоты своего языка», — писал в конце XIX в. В.П. Маргаритов¹⁸. Объективно гижигинские казаки говорили про себя: «Мы не русские, а гижигинцы», видимо, считая себя русскими только по тому, что их предки вышли из России.

В начале XX в. на севере и северо-востоке России сохранились уникальные поселения потомков казаков-землепроходцев, внешний вид которых представлял вполне азиатский тип в результате смешанных браков. Образ жизни, орудия труда и предметы утвари в большинстве использовались идентичные тем, что бытовали у коренных народов, но в то же время эти люди никогда не забывали, что они вышли из русского казачества, сохранив веру и суеверья в основе, русскую речь и устное народное творчество. Такие оазисы русской духовной культуры сохранились, по свидетельству В. Тан-Богораза, по устьям сибирских рек, впадающих в Ледовитый и Тихий океаны, от Оби до Охоты. Собранные В. Богоразом былины подтверждают генетическое родство их носителей. Былины и исторические песни на Дальний Восток привозили представители купеческой и московской военной среды и бездольное казачество. Их потомки сохраняли фольклорное наследие по мере следования из Якутии «встречь солнца» на Восток и Крайний Север. В Колымском, Гижигинском, Пенжинском районах, на Камчатке записаны образцы одинаковых этических произведений. Это былины «Об Илюшеньке и Идолище», «О Добрыне Микитичевиче», «Об Алеше Поповиче», «О Мишеньке Данильевиче», «О Добрыне и Марине», исторические песни «Скопина песня», «О Незнамушке», «О Ваньке Ключнике». В казацкой и мещанской среде Забайкалья, Приамурья, на Колыме и Камчатке записаны казацкие песни более позднего времени: «Про Пруцкого короля», «Про Платона-казака», «Про белого царя», «Про швецкого короля», «Про графа Чернышова» «Про Петра I»¹⁹.

Былины и песни на уровне бессознательных культурных архетипов сохранили в генетической памяти устои русской старины. Казаки северо-востока Азии пели о том, чего ни разу в жизни не видели, из поколения в поколение передавали русские исторические имена (Малюта Скуратов, князь Волконский, каменна Москва, море греческое), использовали характерные для русской эпической и народной традиции словосочетания (ножи булатны, уста сахарны, кудри русые, сердечко ретиво, струя быстрым быстра, трава шелковая, береза белая). Содержание песен образно передавало эпизоды из жизни русского

воинства: расставание с родными и привычным бытом, трудности службы, ожидание казака и горести вдовьей жизни. Постоянным персонажем в былинах и песнях был верный конь, вывозивший тело казака с поля брани. В конце XIX — начале XX вв. на далекой окраине России звучали русские народные песни, организовывались традиционные народные гуляния.

А.П. Сильницкий, путешествуя по Чукотке, так описывал состав населения и его занятия: «... состоит из русских 300 душ, чувинцев, юкагиров и ламут (совершенно обрусевших) — 500 душ и племени чукчей до 10 тыс. душ. Русские обитают в с. Марково и близ него. Марковцы — потомки казаков. Живя изолированно от России, марковец поет те же песни, что и весь русский народ». В долгие и морозные вечера единственным развлечением марковцев были «вечерки». Люди собирались в избах попросторнее и под самодельные долбленные балалайки со струнами из оленьих жил пели старинные песни, водили хороводы. Обычно на вечерках танцевали польки, кадрили, голубца и др. При этом исследователи прошлого века и современные ученые-этнографы отмечают, что в результате длительного общения, близких культурных контактов с коренным населением здесь произошло слияние русского фольклора с инородческой народной культурой. На марковских вечерках исполнение русских танцев чередовалось с ительменским танцем «бакля», исполнение песен сопровождалось подражанием крику чаек, а движение — их плаванию.

Этнограф Якутского гуманитарного института Ж.К. Лебедева отмечает уникальное явление, сложившееся в русской культуре приарктических земель. Длительное совместное проживание ительменов, чуванцев, юкагиров с русскими привело к заимствованию коренным населением форм отдыха и гулянья у потомков землепроходцев. У аборигенов Камчатки широко бытовали те же самые «вечерки» с содержанием, аналогичным марковским. Съезжаясь на собаках со всей округи, гости привозили на «вечерки» национальные инструменты, а также скрипку и гармошку на «русском строе», пели старинные русские песни «Желтенький песочек», «Гуси-лебеди» и водили хороводы.

«Мы встретились с удивительным явлением на северо-востоке Азии и Тихоокеанского побережья, — пишет Ж.К. Лебедева, — где вот уже в течение трех столетий бытует фольклор русских казаков-землепроходцев, носителями и хранителями его являются сами аборигены, давно утратившие свою этническую культуру. Такой удивительный феномен, на наш взгляд, объясняется этнопсихологией, исторической потребностью любого народа иметь свою культуру. И если в силу каких-либо исторических катаклизмов народы утрачивают корни своей этнической традиции, то они неизбежно возмещают эти утраты приобщением к культурной традиции того народа, с которым они ассимилировались»²⁰.

Таким образом, казачество крайнего северо-востока России по своей сути являлось пассионарной частью русского населения. Ему было свойственно непреодолимое стремление к далекой цели, — двигаясь «встречь солнца» проведывать все новые земли, присоединять их, превращая в процессе освоения в среду собственного обитания. Небольшие числом, но крепкие духом, оказавшись далеко от родины, рассеянные на большом пространстве среди чужого населения, они смогли сохранить здесь очаги русской культуры, приспособив ее к местным условиям. За два с половиной столетия жизни на севере казаки создали своеобразный хозяйственно-бытовой уклад, заимствовав многие элементы материальной культуры у аборигенов, сохранив при этом наиболее устойчивые формы сознания, идеальные образы, закрепленные в языке, верованиях, устным народном творчестве. Будучи активной частью этноса, онинесли русскую культуру коренному населению, которое под воздействием устойчивых длительных контактов само нередко становилось ее носителем.

¹ Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области за 1971 г. СПб., 1871. С. 138—184.

² Якутские епархиальные ведомости. Якутск, 1904. С. 35.

³ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 147.

-
- ⁴ Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978. С. 258. С. 55—58.
- ⁵ НАРСаха (Якутия). Ф. 401. Д. 98. Т. 2. Л. 435.
- ⁶ Крашенинников С. Описание земли Камчатки. М., 1948. С. 270.
- ⁷ Сильницкий А.П. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь // Зап. Приамур. отд. ИРГО. Т. 2. Вып. 3. Хабаровск, 1897. С. 22.
- ⁸ Маргаритов В.П. Камчатка и ее обитатели // Зап. Приамур. отд. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 1. С. 125.
- ⁹ Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области за 1871 г. СПб., 1871. С. 166.
- ¹⁰ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1. С. 117.
- ¹¹ Маргаритов В.П. Камчатка и ее обитатели // Зап. Приамур. отд. ИРГО. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 2. С. 121.
- ¹² Якут. окраина. 1912. 29 июля.
- ¹³ Сильницкий А.П. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь. С. 4.
- ¹⁴ Маргаритов В.П. Камчатка и ее обитатели. С. 120.
- ¹⁵ История казачества Азиатской России. С. 167.
- ¹⁶ Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения // Зап. Приамур. отд. ИРГО. СПб., 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 166.
- ¹⁷ История казачества Азиатской России. С. 213.
- ¹⁸ Маргаритов В.П. Камчатка и ее обитатели. Хабаровск, 1899. С. 125.
- ¹⁹ ГАХК. Ф. 573. Оп. 1. Д. 55. Л. 77.
- ²⁰ Лебедева Ж.К. Из отчета на заседании отдела этнографии Якутского национального гуманитарного института от 16.10.1996.

SUMMARY: The theme of the article by Candidate of Historical Sciences Anna Kovalenko is «Cossacks' Life in the North of the Far East» or «Towards the Sun in search of New Lands». The expedition of Semen Dezhnev of 1648 played a great part in this process.

In her article the author underlines that, in fact, the Cossacks in the North of Russia were the very active part of the Russian people, and striving for new lands was characteristic feature of them. Being the active part of the people they brought the Russian culture to the region, and in some way native peoples adopted it.